

УДК 16

DOI: 10.17223/1998863X/53/3

А.Г. Пушкарский

О КЛЮЧЕВОЙ РОЛИ ЛОГИКИ И ЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФИЛОСОФСКОМ ПОЗНАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ¹

Рассматривается роль логики и логической культуры в философском познании и, соответственно, в современном философском образовании. Обосновывается, во-первых, что роль логики оказывается существенной, а часто и ключевой, как важнейшая, а иногда и основная часть содержания многих философских направлений, и, во-вторых, логические теории предоставляют нам эффективный аппарат для адекватного анализа философской аргументации и семантической структуры конкретного философского текста.

Ключевые слова: философское познание, логика, логическая культура, философское образование, дисциплины логического цикла.

Думаю, все согласятся, что для любого философского познания, как и для образования, необходимы знание, понимание и изучение философских книг и других видов философских текстов. Логика как наука традиционно понимается как философская пропедевтика, т.е. как дисциплина, которая в том числе дает предварительные знания и первоначальные навыки, необходимые для любого философского размышления и исследования, т.е. именно того, что и составляет собственно философское познание. При таком систематическом взгляде на философское знание логика представляет собой необходимую, но только начальную часть философского образования, т.е. просто введение в изучение философских учений. Действительно, для формирования такой логической культуры, которая дала бы возможность работать с любым научным материалом, включая, конечно, и философские тексты, требуется изучение хотя бы минимального курса логики или дисциплин, в которых такая логическая часть так или иначе присутствует. Изучение любой науки и тем более любое научное исследование требуют развитого рационального, абстрактного и рефлексивного мышления, которое не может быть врожденным, а требует серьезных интеллектуальных усилий для своего формирования. В статье, посвященной методологии исторического исследования, мы даем такое определение логической культуры: «*Логическая культура – это такие навыки мышления, которые делают возможным осуществление рациональных действий, необходимых для полноценного существования в современном развитом цивилизованном обществе, в том числе и благодаря умению осознанной рефлексии в процессе принятия решений*» [1. С. 37]. Именно это и составляет как минимум первоначальную цель стандартного курса логики, а также других дисциплин логического цикла, таких как риторика, теория аргументации, история логики, философская семантика и др.

¹ Работа подготовлена при поддержке фонда РФФИ, грант № 17-03-00707- ОГН-А «Логическая культура в России: прошлое и современность».

Однако в таком дидактически ясном представлении о системе философских дисциплин обнаруживаются определенные проблемы, в первую очередь связанные со специфическими особенностями центральных философских дисциплин. Например, изучение философских текстов обычно относится к истории философии, однако сама эта дисциплина имеет свою специфику, которая отличает ее от других «историй». Так, в работе «Развитие науки и ее история» Б.С. Грязнов пишет: «...существует принципиальное различие между философом, пишущим историю философии, и математиком, физиком, обращающимися к историческому исследованию. Это различие можно сформулировать следующим образом: история философии как область исследования принадлежит самой философии, а поэтому философ, обращаясь к историко-философской проблематике, не выходит за рамки своей профессиональной деятельности. История же науки... не принадлежит той науке, историей которой она является» [2. С. 101]. Можно сказать, что для «раскрытия» смысла важнейших философских произведений требуется не просто напряженная интеллектуальная работа по их пониманию и интерпретации, для этого надо вскрыть нить рассуждений автора, понять его логику и самому пройти путь размышлений творца. Как однажды заметил Жиль Делез, «...история философии является воспроизведением самой философии. Следует, чтобы изложение истории философии действовало как подлинный двойник и включало присущее двойнику максимальное изменение» [3. С. 12]. Интересно, а как можно пройти этот путь, стать «подлинным двойником» автора философского текста, без соответствующих «карт и средств передвижения», т.е. без овладения аппаратом логического мышления и понимания такового у автора текста? Например, обращаясь к одному из самых значительных трактатов в истории мировой философии – «Критике чистого разума» Канта, невозможно понять богатство и сложность философской мысли Канта, не привлекая знание его логики, логики эпохи Просвещения, и, соответственно, логики его многочисленных интерпретаторов, в число которых входят в том числе и крупнейшие логики и математики XX в.

Таким образом, возникает еще одна сторона проблемы, связанной с изучением философских текстов, поскольку с логикой дело обстоит еще более «запутанно» как с предметно-содержательной точки зрения, так и с историко-методологической. Еще со времени Аристотеля возникает вопрос: является ли логика философской пропедевтикой, частью собственно философии, методологией науки или же самостоятельной наукой. И в истории философии для большинства философских направлений и школ часто ключевой оказывалась логическая проблематика, связанная с определением места логики в системе философских дисциплин, пониманием ее предмета и роли в науке и культуре. Это нетрудно продемонстрировать, вспомнив о важнейших философских трактатах в истории мировой философской мысли, таких как «Органон» Аристотеля, «Новый органон» Ф. Бэкона и «Новый органон» И.Г. Ламберта, та же «Критика чистого разума» И. Канта, «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна, «Логический атомизм» Б. Рассела, «Логические исследования» Э. Гуссерля и т.д. Так, например, в марбургском неокантианстве логика рассматривается как центральная часть гносеологии и философии вообще: «Первой основной философской дисциплиной является наука об основных законах не только формальной, но и материальной, или предметной,

истинности *теоретического* познания, именно логика, или *критика познания*» [4. С. 64]. Правда, надо иметь в виду, что наука об основных законах мышления неокантианцев представляла собой специфический вид формальной логики, которая, впрочем, стала впоследствии пониматься как, собственно, единственный вид формальной традиционной логики. И если для значительной части ключевых философских направлений, составляющих ядро мирового философского знания, логическая проблематика составляет их основное содержание, то для их восприятия мало обладать только хорошо развитой логической культурой, не менее важно владеть знанием логических теорий и концепций, а также соответствующей логической техникой как в области традиционной логики, так и в областях современных философских символических логик. А для освоения последних требуются систематическое профессиональное обучение и последовательная основательная подготовка.

Обратимся к некоторым показательным примерам. Так, выдающийся исследователь логики И. Кант Г. Тонелли замечает: «„Критика чистого разума“ является трактатом по логике, точно так же как по метафизике» [5. Р. 1]. Как известно, во введении ко второму изданию «Критики чистого разума» Кант утверждает: «Что логика уже с древнейших времен пошла этим верным путем, видно из того, что со времени Аристотеля ей не приходилось делать ни шага назад, если не считать улучшением устранение некоторых ненужных тонкостей и более ясное изложение, относящиеся скорее к изящности, нежели к достоверности науки. Примечательно в ней также и то, что она до сих пор не могла сделать ни шага вперед и, судя по всему, она кажется наукой вполне законченной и завершенной» [6. С. 82]. Кроме того, что данное высказывание Канта оказалось неоправданным, поскольку уже через полвека после появления его критической философии возникает совершенно новая математическая логика, по мнению Т. Зеебома, «...это суждение вводит читателя в заблуждение прежде всего потому, что, руководствуясь этим суждением, изучающий кантовскую критическую философию не сможет понять, что кантовская концепция формальной логики, т.е. чистой логики, принадлежит к традиции, отталкивающейся от знаменитой „Логики Пор-Рояля“» [7. С. 67]. Для логики и философии эпохи Просвещения вообще характерна радикальная критика логики Аристотеля и ее основных понятий, таких как его категории, предикаменты, как произвольно выбранных, а также силлогистики Аристотеля как бесполезной и содержащей излишние технические сложности теории. Зеебом замечает, что «Кант критиковал список аристотелевских категорий по сходным основаниям и писал о ложном мудрствовании в четырех фигурах силлогизма. Хотя Кант в некоторых весьма существенных пунктах отходит от ранних этапов развития традиции, к которой принадлежит его концепция логики, он тем не менее принадлежит к традиции, начинающейся с „Логики Пор-Рояля“ и заканчивающейся Гегелем» [Там же].

Выявление основных положений кантовской концепции логики приводит нас к неожиданным выводам. Во-первых, что кантовскую общую чистую логику оказывается невозможным эксплицировать с помощью современных логических методов, поскольку для выражения логических законов и выражений нам потребуется какой-либо символический язык, неизбежно предполагающий определенные онтологические пресуппозиции, и о «чистоте» такой логики в кантовском смысле уже нельзя будет говорить. Это происходит

потому, что, приняв определенный язык, «мы принимаем некоторые допущения, способы подхода к миру, ставим рамки для той информации, которая поступает из внешнего мира. Поэтому анализ языка, особенно специально сконструированных искусственных языков, является хорошим средством для выявления онтологических допущений, которые связаны с этим языком» [8. С. 139]¹. О подобных трудностях упоминает и Т. Зеебом: «Формальная логика, т.е. теория суждений, используемая как путеводная нить для метафизической дедукции категорий и стоящая также за логической реконструкцией системы идей чистого разума, не может быть сведена к *logica pura*» [7. С. 80]. Второй вывод состоит в том, что с кантовской точки зрения современные логические теории, использующие строго формальный язык математики, можно рассматривать как *logica specialis*, в которых должны были быть сформулированы принципы правильного мышления о математических объектах, таких как комбинации символов в алгебре или множества и операции с ними в теории множеств [7. С. 69].

Чтобы построить новую философскую систему – трансцендентальную философию, – Кант, по его же словам, воспользовался уже готовой и завершенной наукой, т.е. логикой, единственной, по его мнению, уже разработанной и систематической наукой о мышлении: «Для построения его теории разума требовалась наука, на которую он мог опереться, строя полную завершенную априорную теорию разума. Такая наука сама должна быть завершенной и априорной. Кант считал, что в своей основе логика как раз и является такой наукой. Об этом говорит его знаменитая фраза (о завершенности логики как науки)...» [9. С. 10]. Общая чистая логика, которую Кант называет формальной, становится у него фактически моделью для построения новой логики – трансцендентальной, т.е. логики его априорной теории сознания.

Но вот некоторые центральные положения трансцендентальной логики просто не совпадают с правилами его же общей чистой логики и, по мнению В.Н. Брюшинкина, «возможно, с ней несовместимы». В исследовании «О логических ошибках в кантовской таблице суждений» Брюшинкиным довольно убедительно было показано, что в таблице суждений Кант нарушает все известные логические правила деления «несмотря на то, что в логической литературе того времени существовали образцы правильных делений». Обосновав логическую несостоятельность кантовской таблицы суждений, он приходит к следующим выводам: «Кантовская таблица суждений логически несостоятельна, поскольку в каждой ее рубрике нарушаются правила деления, известные как в логике того времени, так и самому Канту. Анализ причин нарушений правил деления в каждой из рубрик показывает, что Канту в таблице суждений не удалось решить поставленную задачу отвлечься „от всякого содержания суждений вообще“ и обратить внимание „только на одну лишь рассудочную форму“... В основание делений таблицы суждений положены не логические, а трансцендентальные принципы, связанные с возможностью объекта познания. Это говорит о круговом характере кантовской метафизической дедукции категорий. Кант получил в таблице категорий только то, что сам вложил в таблицу суждений» [10. С. 21]. Хотя более детально

¹ В данном случае можно указать на такие широко известные концепции, как гипотеза Сепира-Уорфа, учение Айдукевича о «перспективе мира», теорию языковых каркасов Карнапа и др.

разобрать здесь анализ данного исследования не представляется возможным, мне хотелось бы привести слова профессора Брюшинкина, сказанные им в конце его доклада на X Кантовских чтениях 22 апреля 2009 г.: «В заключение некоторое не очень серьезное, почти юмористическое замечание о вреде логических ошибок. Кант нарушил известные правила логики для того, чтобы построить систему категорий по триадическому принципу. Гегель положил триаду в основу своей диалектики. Маркс „поставил гегелевскую идеалистическую диалектику с головы на ноги“ и сделал материалистическую диалектику основной своего метода революционного преобразования мира. Ленин применил этот метод в России, совершив большевистскую революцию. Таким образом, в успехе большевистской революции в России „виноваты“ логические ошибки, совершенные Кантом при построении таблицы суждений. Соблюдайте правила логики!» Конечно, это высказывание выглядит просто как остроумная шутка логика и философа, но, видимо, глубокий и отнюдь не шуточный ее смысл должен состоять в том, что «быть современным философом – это значит уметь владеть логикой в такой мере, чтобы по крайней мере быть способным читать философскую литературу и понимать ее» [11. С. 10].

Пример с Кантом показывает, что незнание логических концепций, лежащих в основе той или иной философской системы, может приводить к их непониманию и неадекватным интерпретациям. В особенности это относится к философским направлениям XX в., таким, например, как логический позитивизм, аналитическая философия, формальная философия, и связанным с ними новыми философскими дисциплинами, таким как основания математики.

Один из самых выдающихся философов XX в. Бертран Рассел в 1914 г. в работе «Наше познание внешнего мира» выдвинул свой знаменитый тезис – «логика есть сущность философии»¹, а также что «логика фундаментальна для философии» [12. С. 146]. Будучи пионером новой символической логики, разработанной им вместе с А. Уайдхедом, исходя из сугубо философских побуждений, Рассел, кстати, вообще предложил выбросить традиционную логику как устаревшую дисциплину как из науки и философии, так и из преподавания. По его мнению, она непригодна для современной науки, поскольку не удовлетворяет необходимым для нее критериям строгости доказательств. В философии она приводит нас к принятию ложной метафизической картины мира, а философские «школы следует характеризовать скорее по их логике, чем по их метафизике» [Там же]. Впрочем, эти высказывания относятся к раннему логицистскому периоду творчества Рассела. Уже в работе 1948 г. «Человеческое познание, его сферы и границы» он замечает, что «логика так же специальна, как и математика, но я полагаю, что логика не является частью философии» [13. С. 16]. Однако нас в данном случае интересует не эволюция взглядов Рассела, а именно роль логики в философском познании и образовании. И в данном отношении его аргументация об обусловленности лежащих в основе тех или иных концепций метафизики логикой выглядит обоснованной и убедительной. Тем более что без понимания логической кон-

¹ Этот тезис Рассел повторяет в работе «Логический атомизм» (1924). Он означает, что использование определенных логических методов и видов философских рассуждений неявно вынуждает принимать определенный тип метафизики.

цепции самого Рассела невозможно понять эволюцию его собственных философских взглядов.

Когда Рассел начал читать лекции по философии Лейбница в 1899 г., он обратил внимание на теорию отношений и осознал ее ключевую роль для любой метафизики. По его мнению, трактовка Лейбницем отношений дает ключ для понимания его философской системы¹, поскольку используемая Лейбницем традиционная логика, как известно, ограничивается высказываниями, имеющими субъектно-предикатную структуру. Его аргументация состоит в следующем: «Языковая форма, говорящая о принадлежности предиката субъекту, оказывается удовлетворительной только в случае высказываний о таких атрибутах, которые являются целиком „внутренними“ для некоторой субстанции. В этой структуре об отношении можно было бы говорить лишь тогда, когда оно оказывается сводимым к внутреннему атрибуту субстанции, следовательно, является так называемым „внутренним отношением“. Подлинное отношение (например, отношение $a : b$, когда $a > b$) является „внешним отношением“, которое нельзя свести к атрибуту» [14. С. 52]. Используя подобные языковые схемы, невозможно выразить внешние отношения, и остается только рассматривать «субстанции как ни с чем не связанные монады». Таким образом, по Расселу, «монадический взгляд на мир не удовлетворителен, так как для объяснения фактического взаимодействия отдельных субстанций вынужден принимать *искусственную предустановленную гармонию*. Поэтому было бы лучше принять монизм и рассматривать все отношения как внутренние отношения одной единственной субстанции. Однако, как показал Рассел, при этом все еще не учитываются фактические отношения. Это особенно ясно видно в случае асимметричного отношения...» [Там же]. Все это привело Рассела не просто к принятию определенного рода метафизики, где отношения являются первичными, но и к разработке им нового стиля философствования, использующего строгие методы математической логики. Важной частью логицистского периода философии Рассела стала разработанная им теория определенных дескрипций, т.е. *определенных описаний*. Она должна была если не разобраться со всеми запутанными проблемами метафизики, то разрешить старые метафизические «головоломки», связанные с неправильным и неточным употреблением естественного языка в философских исследованиях. Существуют различные теории определенных дескрипций, но теория дескрипций, развитая Расселом, была исторически первой и была разработана им в том числе для разрешения трудностей, связанных с трактовкой единичных высказываний существования с пустыми, т.е. мнимыми, именами. Определенная дескрипция – это выражение вида «*тот самый единственный объект, который удовлетворяет такому-то условию*», например «*нынешний король Франции*», символически – $\iota x A(x)$, где ι как раз и является оператором определенной дескрипции. «По Расселу, определенные дескрипции представляют типичный пример неполных символов. Сами по себе они не имеют значения, значения имеют только предложения, их содержащие. Другими словами, дескрипции могут вводиться с помощью контекстуальных определений» [8. С. 95]. То есть хотя неполные символы сами по себе не могут быть проинтерпретированы, предложение, содержащее де-

¹ Позднее Рассел изложил свой взгляд на метафизику Лейбница в книге «Критическое освещение философии Лейбница» (Bertrand Russell. A Critical Exposition of The Philosophy of Leibniz. 1900).

скрипцию, может быть записано как высказывание, уже не имеющее неполных символов, но сохраняющее контекст, их содержащий, а такое высказывание уже имеет определенное значение, символически:

$$B(\iota x A(x)) =_{\text{Df}} \exists x (A(x) \ \& \ \forall y (A(y) \supset x = y) \ \& \ B(x)).$$

Не останавливаясь подробно на технических проблемах теории дескрипций Рассела, а также на особенностях методов анализа логических рассуждений, основанных на данной теории¹, заметим, что без ее правильного понимания, что предполагает как минимум знакомство с элементарным курсом современной символической логики, навряд ли возможно разобраться не только с философией самого Рассела, но и с генезисом и развитием в целом логико-позитивистского и аналитического направлений в мировой философии. Позволим себе продемонстрировать это небольшим примером. Автор обширной и весьма качественной монографии «Английская философия XX века» таким образом описывает теорию определенных дескрипций Рассела: «Само по себе высказывание „автор Веверлея“ по определению означает нечто, но оно ничего не означает в составе высказывания „Скотт – автор Веверлея“» [15. С. 213]. Как мы увидели, в действительности, с точностью до наоборот, «автор Веверлея» – это не высказывание, а дескрипция, которая как раз, в отличие от имени собственного, никакого значения не имеет. Но вот выражение «Скотт – автор Веверлея» можно переписать в виде высказывания, где эта дескрипция стоит на аргументном месте, и поэтому оно будет иметь вполне определенный смысл. Это и будет контекстуальным определением выражения, содержащего определенную дескрипцию «автор Веверлея»:

$$W(\iota x S(x)) =_{\text{Df}} \exists x (S(x) \ \& \ \forall y (S(y) \supset x = y) \ \& \ W(x)).$$

Следующая цитата должна еще больше запутать читателя, поскольку демонстрирует совсем уже неадекватную интерпретацию расселовской философии: «Непонимание Расселом сущности диалектического метода можно продемонстрировать, анализируя его трактовку парадокса „Лжец“... Логика Рассела остается в пределах рассудка, но в отличие от традиционной формальной логики она не может существовать вне приложения к реальным фактам. Диалектическая логика, наоборот, в самом понятии выделяет и форму, и содержание, существующие в противоречивом единстве. Для Рассела, следовавшего Локку, Канту и Миллю, это положение не просто враждебно и непонятно» [Там же. С. 222]. Кроме того, то, что диалектическая логика сегодня может представлять исключительно историко-философский интерес, приводит как минимум к искаженному восприятию всего аналитического направления в философии XX в., задавшего беспрецедентные ранее критерии строгости мышления и профессиональной философской логической культуры. Нелишне будет заметить, что современные логики, как раз благодаря работам Рассела, «научились схватывать» интенсиональные и противоречивые объекты познания и их динамику, используя мощные аппараты современных неклассических логик.

¹ О проблемах теории дескрипций Рассела см. замечательную работу В.А. Смирнова «Логические методы анализа научного знания» [8. С. 93–103].

Еще один пример, касающийся философии одного из самых знаменитых философов XX в. Л. Витгенштейна, можно найти в замечательном и очень качественном учебнике по истории философии, написанном преподавателями МГУ. Обсуждая основные положения «Логико-философского трактата» Витгенштейна, авторы пишут: «...„бессмысленность“ в „Логико-философском трактате“ является характеристикой не одного, а двух классов предложений – предложений философии (6.54) и предложений логики (6.124). Способность не говорить о самих себе ничего, но при этом показывать свою суть, есть еще одна общая характеристика логики и философии (6.522, 6.124)» [16. С. 439]. Надо полагать, что студенты философского факультета МГУ достаточно глубоко изучают логику, но неискушенного читателя или же обычного учащегося может ввести в заблуждение утверждение о «бессмысленности» предложений логики, поскольку в учебнике никак не объясняется, что эти *Предложения логики* суть *Тавтологии*, которые означают, что они являются *Логическими законами* и именно поэтому они «показывают свою суть», т.е. логические законы как тавтологии ничего не говорят о мире, но имеют непосредственное отношение к свойствам и границам определенного идеального логического языка, который и является инструментом для представления нашего мира. А «бессмысленность» предложений логики обусловлена их нулевой информацией о мире с точки зрения семантической теории информации¹.

Касаясь роли логики и логической культуры в философском познании, трудно обойти и такую интригующую тему как значение ограничительных теорем великого логика К. Гёделя: «Теорема Гёделя – это почти неисчерпаемый источник интеллектуальных злоупотреблений...» [17. С. 146]. Действительно, как заметил наш выдающийся математик В.А. Успенский, уникальность теоремы Гёделя состоит в том, что «на нее ссылаются всякий раз, когда хотят доказать „все на свете“ – от наличия богов до отсутствия разума». Подобные спекуляции происходят от простого незнания структуры современного логического знания и состава логических теорий. Результаты Гёделя означают, что в любой достаточно богатой дедуктивной теории можно построить предложение, которое следует из теорем этой теории, но не может быть доказано в самой теории. А это показывает, что для логики оказывается принципиально недостаточно одной только теории доказательств, т.е., что не все ее свойства могут быть описаны в теоретико-доказательственных терминах. Работы Гёделя привели к интенсивным разработкам в области теоретико-модельной семантики, которая занимается в том числе исследованием формальных аспектов взаимоотношений языка (или же мышления) и мира. И если теорема Гёделя и имеет какое-либо философское или эпистемологическое значение, то оно может относиться к выявлению специфических связей и их особенностей языка и мира, мышления и языка, мышления естественного и машинного и т.п. Например, вопрос о том, могут ли результаты Гёделя быть истолкованы в пользу знаменитого положения Канта о существовании априорных синтетических суждений в математике, выдвинутого им в его «Критике чистого разума», споры о котором не утихают на протяжении более двух столетий. С одной стороны, это положение подверглось рез-

¹ См. об этом подробнее, напр.: [14. С. 303–365].

кой критике со стороны сторонников неопозитивизма в начале XX в. С другой стороны, идеи Канта о конструктивной природе математики послужили философской основой программы интуиционизма Л.Э.Я. Брауэра в основаниях математики. Хотя сам Гёдель нигде и не обсуждает априорные синтетические суждения в математике, ход его размышлений об аналитических суждениях близок к кантовскому. Но в середине прошлого века теоремы Гёделя о неполноте послужили аргументами в защиту существования синтетических суждений априори. Впервые в 1949 г. это попробовал сделать американский логик Ирвинг Копи. Опираясь на Первую теорему Гёделя о неполноте, он приводит доводы в пользу того, что в математике должны существовать такие неаналитические истины, которые неэмпиричны и неиндуктивны, а это и есть синтетические априорные истины. Еще одним примером подобной аргументации является работа американского математика Говарда Де Лонга по математической логике (*A Profile of Mathematical Logic*, 1970). В ней он утверждает, что метаарифметическое предложение, утверждающее непротиворечивость арифметики, которое служит общим предположением теорем Гёделя о неполноте, следует классифицировать как синтетическое и априорное. Если же в математике существуют априорные синтетические суждения, то это не просто оправдывает философию математики Канта, но и обосновывает всю его систему трансцендентальной философии¹.

Почему же так происходит? То есть почему в российском философском сообществе и философском образовании проявился определенный диссонанс между современным стилем философского мышления и уровнем его логической культуры? Одна из основных причин состоит в том, что эволюция научно-философского познания привела сегодня к пониманию того, что «многие философские проблемы просто не могут быть адекватно поставлены на естественном языке, не говоря уже об их решении. Отсюда вытекает вывод о необходимости использования логико-математического аппарата в философии, что придает ей статус научной дисциплины» [19. С. 11]. Но философия не наука, и философия ради философствования может сделать ее бессмысленной. Она может и должна использовать методы и приемы современной науки. А чтобы быть значимой для общества и для образования, современная философия обязана опираться на современные научные знания и методы того или иного рода, которые сами по себе не являются чисто философскими. Что как не современная символическая логика может помочь этому?

В данном случае весьма показательной будет характеристика современников философов, данная Расселом, которую приводит Алан Вуд в работе, посвященной его философии: «Одна из наиболее часто повторяющихся замечаний в его трудах – это саркастические упрёки „философов“ за то, что они слишком ленивы, чтобы заниматься математикой, или слишком глупы, чтобы понять это» [20. Р. 263]. Далее Алан Вуд делает довольно оригинальное, на первый взгляд, замечание: «Все философы неудачники. Но Рассел был одним из немногих, достаточно честных, чтобы признать это. И в этом состоит его наиважнейшее значение. О нем можно сказать его же собственными словами, в которых он выражает свое почтение к Канту: „Искренний философ должен признать, что он, скорее всего, не достиг окончательной истины, но, учиты-

¹ Подробнее об этом см. [18].

вая неискоренимую склонность к познанию (ученичеству) в человеческой природе, он намерен сделать все, чтобы достичь ее до тех пор, пока его неудачи не станут совершенно очевидными. В обязанности сделать их очевидными и заключалась искренность Канта, которая заставила его работать лучше, чем большинство других философов» [20. Р. 264].

Дискредитация традиционной догматической философии, претендующей на абсолютную истину, с одной стороны, публицистический стиль философствования, не способствующий пониманию современных научных, в том числе и логических, достижений, – с другой, приводят не просто к искаженным интерпретациям основных философских проблем и направлений, возникающим на основе путей их разрешения, но и к эклектизму и примитивному нигилизму в философских рассуждениях, а также к фантастическим домыслам в философских построениях. А представление о современной философии как исключительно об истории философии оказывается пересыщенным неверными и разноречиво проинтерпретированными философским концепциями.

Таким образом, для философского познания вообще, а также и для полноценного восприятия и изучения философских текстов роль логики оказывается очень существенной, а часто и ключевой, во-первых, как пропедевтики любого философского знания и познания, формирующего необходимую профессионально-философскую логическую культуру, во-вторых, как методологического основания исследований и интерпретации философских систем и направлений, в-третьих, как важной, а иногда и основной части содержания многих философских направлений. Наконец, логические теории предоставляют нам эффективный аппарат для адекватного анализа философской аргументации и семантической структуры конкретного философского текста.

Как пример внимательного отношения к логическим основам философского образования можно привести курс по истории логики, который читался профессором В.Н. Брюшинкиным (1953–2012) начиная с 1998 г. тогда еще в Калининградском государственном университете. Позднее им совместно с автором статьи им был разработан УМК по этому курсу. Данный курс читался на специальности «философия» до 2016 г. Курс был построен на синтетическом подходе к методологии истории логики, разрабатываемой тогда на кафедре философии и логики Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта. Данная методология основана на понятии *образ логики*. Базисным в нем являлось изложение истории логики с точки зрения математической логики. Прежде всего рассматривались те учения и понятия, которые так или иначе привели к образованию математической логики, но при этом значительное внимание уделялось философской интерпретации логики как важному стимулу ее развития¹.

Однако, к нашему сожалению, ключевое значение логики и дисциплин логического цикла в философском познании и образовании так и не было осознано в должной мере в структурах, занимающихся организацией современного российского образования.

¹ Подробнее см.: [21].

Литература

1. Пушкарский А.Г. Методология исторических исследований и логическая культура // РАЦИО.ру 18 (2). Калининград, 2017. С. 29–40.
2. Грязнов Б.Г. Логика, рациональность, творчество. Изд. 2-е. М. : Эдиториал УРСС, 2002.
3. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998.
4. Натопн П. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2006.
5. Tonelli G. Kant's "Critique of pure reason" within the tradition of modern logic: a commentary on its history. Georg Olms Verlag Hildesheim. Zürich ; New York, 1994.
6. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 3.
7. Зеббом Т.М. Логика понятий как предпосылка кантовской формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 1993. Вып. 17. С. 67–81.
8. Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М. : УРСС, 2002.
9. Bryuschinkin V. Logik und Rationalität in der Philosophie Kants // X Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации : материалы междунар. конф. : в 2 ч. / под ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. Ч. 1. С. 7–19.
10. Брюшинкин В.Н. О логических ошибках в кантовской таблице суждений // Кантовский сборник. 2008. № 2 (28). С. 7–22.
11. Бочаров В.А., Маркин В.И. Введение в логику : учебник. М. : ФОРУМ: ИНФРА-М, 2008.
12. Рассел Б. Философия логического атомизма. Томск : Водолей, 1999.
13. Рассел Б. Человеческое познание его сферы и границы. М. : ТЕРРА-Книжный клуб ; Республика, 2000.
14. Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М. : Дом интеллектуальной книги, 1999.
15. Никоненко С.В. Английская философия XX века. СПб. : Наука, 2003.
16. История философии : учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. М. : Академический проект, 2005.
17. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М. : Дом интеллектуальной книги, 2002.
18. Пушкарский А.Г. Кант, Гёдель и проблема синтетических суждений априори // Кантовский сборник. 2017. Т. 36, № 3. С. 44–61.
19. Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. М., 2000.
20. Wood A. Russell's Philosophy: A Study of its Development // Russell B. My Philosophical Development. Simon and Schuster. New York, 1959. P. 255–277.
21. Пушкарский А.Г. Учебно-методический комплекс по спецкурсу «История логики» // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке : материалы X Общерос. науч. конф. СПб., 2008. С. 232–235.

Anatoly G. Pushkarsky, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation).

E-mail: pushcarskiy@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 53. pp. 20–31.

DOI: 10.17223/1998863X/53/3

ON THE KEY ROLE OF LOGIC AND LOGICAL CULTURE IN PHILOSOPHICAL KNOWLEDGE AND EDUCATION

Keywords: philosophical knowledge; logic; logical culture; philosophical education; disciplines of logical cycle.

The role of logic and logical culture in philosophical knowledge and, accordingly, in modern philosophical education is considered. It is proved that the role of logic is essential and often a key one, firstly, as a propaedeutics of any philosophical knowledge forming the necessary logical culture for philosophical knowledge; secondly, as a methodological basis for philosophical research and interpretation of philosophical texts; thirdly, as an important, and sometimes main, part of the content of basic philosophies; finally, logical theories provide us with an effective apparatus for an adequate analysis of the philosophical argumentation and semantic structure of a particular philosophical text. Based on specific examples, for instance, inadequate interpretations of the critical philosophy of Kant, the theory of descriptions of Russell, etc., the author demonstrates how a misunderstanding of logic

and logical concepts that underlie the philosophical system leads to its incorrect interpretations. Unfortunately, the key importance of logic and disciplines of the logical cycle in philosophical knowledge and education has not been satisfactorily realized in the structures involved in the organization of modern Russian education.

References

1. Pushkarsky, A.G. (2017) Metodologiya istoricheskikh issledovaniy i logicheskaya kul'tura [Methodology of historical research and logical culture]. *RATsIO.ru*. 18(2). pp. 29–40.
2. Gryaznov, B.G. (2002) *Logika, ratsional'nost', tvorchestvo* [Logic, Rationality, Creativity]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
3. Deleuze, J. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and repetition]. Translated from French by N.B. Mankovskaya, E.P. Yurovskaya. St. Petersburg: Petropolis.
4. Natorp, P. (2006) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Territoriya budushchego.
5. Tonelli, G. (1994) *Kant's "Critique of pure reason" within the tradition of modern logic: a commentary on its history*. Zurich; New York: Georg Olms Verlag Hildesheim.
6. Kant, I. (1964) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: In 6 vols]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Mysl'.
7. Zeebom, T.M. (1993) Logika ponyatiy kak predposylka kantovskoy formal'noy i transtsendental'noy logiki [The logic of concepts as a prerequisite of Kant's formal and transcendental logic]. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 17. pp. 67–81.
8. Smirnov, V.A. (2002) *Logicheskie metody analiza nauchnogo znaniya* [Logical methods for the analysis of scientific knowledge]. Moscow: URSS.
9. Bryuschinkin, V. (2010) Logik und Rationalität in der Philosophie Kants. In: Bryuschinkin, V. (ed.) *X Kantovskie chteniya. Klassicheskiy razum i vyzovy sovremennoy tsivilizatsii* [The Tenth Kant Reading. The Classical Mind and the Challenges of Modern Civilization]. Kaliningrad: Kant Russian State University. pp. 7–19.
10. Bryushinkin, V.N. (2008) O logicheskikh oshibkakh v kantovskoy tablitse suzheniy [On logical errors in the Kantian table of judgments]. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 2(28). pp. 7–22.
11. Bocharov, V.A. & Markin, V.I. (2008) *Vvedenie v logiku* [Introduction to Logic]. Moscow: FORUM: INFRA-M.
12. Russell, B. (1999) *Filosofiya logicheskogo atomizma* [The Philosophy of Logical Atomism]. Translated from English. Tomsk: Vodoley.
13. Russell, B. (2000) *Chelovecheskoe poznanie ego sfery i granitsy* [Human Knowledge, its Scope and Limits]. Translated from English. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub; Respublika.
14. Küng, G. (1999) *Ontologiya i logicheskii analiz yazyka* [Ontology and the Logistic Analysis of Language]. Translated from German and English by A.L. Nikiforov. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
15. Nikonenko, S.V. (2003) *Angliyskaya filosofiya XX veka* [English Philosophy of the Twentieth Century]. St. Petersburg: Nauka.
16. Vasiliev, V.V., Krotov, A.A. & Bugay, D.V. (eds) (2005) *Istoriya filosofii* [The History of Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
17. Sokal, A. & Brickmon, J. (2002) *Intellektual'nye ulovki. Kritika sovremennoy filosofii postmoderna* [Intellectual Tricks. Criticism of Modern Philosophy of Postmodernism]. Translated from French. Moscow: Dom intellektual'noy knigi.
18. Pushkarsky, A.G. (2017) Kant, Gödel, and the problem of synthetic a priori judgements. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 36(3). pp. 44–61. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2017-3-3
19. Anisov, A.M. (2000) *Temporal'nyy universum i ego poznanie* [The Temporal Universe and Its Knowledge]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS.
20. Wood, A. (1959) Russell's Philosophy: A Study of its Development. In: Russell, B. *My Philosophical Development*. New York: Simon and Schuster. pp. 255–277.
21. Pushkarsky, A.G. (2008) [The Learning Kit "History of Logic"]. *Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke* [Modern Logic: Problems of theory, history and application]. Proc. of the Tenth Conference. St. Petersburg. pp. 232–235. (In Russian).